

ЖОУБАО
БУЧИ ЖОУ

ХАСКИ и его УЧИТЕЛЬ БЕЛЫЙ КОТ

2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.581-312.9

ББК 84(5Кит)-44

Ж81

肉包不吃肉

二哈和他的白猫师尊

Rou Bao Bu Chi Rou

The Husky and His White Cat Shizun

В издание вошли главы 56-105 романа.

Перевод осуществлен с материевой версии издания.

Перевод с китайского Юлии Каратниковой.

Иллюстрация на обложке и форзацах Serdechno.

Иллюстрации в макете Heirasu и BaiYuN.

Жоубао Бучи Жоу.

Ж81

Хаски и его учитель Белый кот. Книга 2: роман / Жоубао Бучи Жоу; перевод с китайского Юлии Каратниковой. — Москва: Издательство АСТ, 2025. — 640 с.: ил. — (Хиты Китая. Хаски и его учитель Белый кот).

ISBN 978-5-17-169816-4

ISBN 978-5-17-169818-8 (Книга 2)

Вернувшись во времена ученичества, Мо Жань сталкивается с неприятными истинами, которые он упустил в прошлой жизни. Тесный клубок недопониманий с учителем постепенно распутывается, открывая ему глаза на прожитые события.

Причин для ненависти к Чу Ваньнину становится все меньше. Мо Жань начинает осознавать свои ошибки и раскаивается за содеянные зверства. А между тем колесо судьбы уже не остановить.

Проведя на пике Сышэн Новый год, Чу Ваньнин вместе со своими учениками отправляется в путешествие до Персикового источника — таинственного города пернатого народа юйминь, очаровывающего своей красотой.

Что их ждет дальше? Сколько еще правды откроется Мо Жаню?

УДК 821.581-312.9

ББК 84(5Кит)-44

Published originally under the title of "The Husky and His White Cat Shizun" "二哈和他的白猫师尊"

Author Rou Bao Bu Chi Rou (肉包不吃肉)

Russian Edition rights under license granted by Beijing Jinjiang Original Network Technology Co., Ltd.

All rights reserved.

Russian Edition copyright © 2025 AST Publishers Ltd.

Arranged through JS Agency Co., Ltd.

Cover illustration by st

Cover illustration © 2022 Seven Seas Entertainment, Inc.

© Каратникова Ю.С., перевод на русский язык, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

ISBN 978-5-17-169816-4

ISBN 978-5-17-169818-8 (Книга 2)

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ

МОРЕ ПРАЗДНИЧНЫХ ОГНЕЙ

• ○ •

ГЛАВА 56

Этот достопочтенный лепит пельмени

Когда Мо Жань услышал этот вопрос, на его лице появилось озадаченное выражение.
Скучно ли я по нему?

Да, в прошлой жизни Чу Ваньнин нанес ему глубокую, нестерпимую обиду, однако в этой пока не сделал ему ничего плохого. Напротив, когда они попадали в сложное положение, Чу Ваньнин неизменно приходил на помощь, а потом страдал от множества ран, покрывавших его с головы до ног.

Прошло немало времени, прежде чем Мо Жань наконец медленно проговорил:

— М-м-м... Он несколько раз был ранен, и всегда из-за меня...

От его слов у Чу Ваньнина потеплело на сердце. Он хотел было что-то сказать, но тут Мо Жань договорил:

— Его заботливое отношение меня сильно тяготит. Я лишь надеюсь, что смогу как-то помочь ему поскорее поправиться. Не хочу быть слишком ему обязанным.

Что-то теплое, согревающее словно бы умерло в груди у Чу Ваньнина, окоченело и стало глыбой льда. Он застыл на мгновение, а потом осознал, насколько смешон.

Лишь он один был виноват в том, что позволил разгореться крошечной искре надежды и, окрыленный, бездумно бросился в бушующее пламя, которое в итоге превратило его в кучку пепла. Чу Ваньнин улыбнулся. Улыбка вышла на редкость уродливой, полной горького разочарования, какая бывает у человека, который ожидал ощутить душистый аромат цветка, но ткнулся носом в горстку пепла.

— Не стоит слишком много над этим размышлять. Ты — его ученик. О каких еще обязательствах может идти речь? Он поступает так по собственной воле.

Мо Жань повернулся голову и взглянул на него.

— Ну ты даешь! Такой юный, а стараешься говорить как взрослый, при этом еще и делаешь каменное лицо.

Он улыбнулся, опустил руку на голову мальчика и стал гладить его по волосам.

Поначалу Чу Ваньнин еще улыбался, но вскоре его глаза медленно начали наполняться слезами. Он устремил взгляд на молодое, сияющее лицо перед собой и тихо попросил:

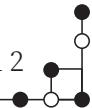
— Мо Жань, хватит. Убери руку.

Мо Жань всегда тщетно соображал, когда дело касалось чувств, поэтому совершенно не замечал странного настроения мальчика. Кроме того, он уже так привык постоянно подтрунивать над Ся Сыни, что как ни в чем не бывало схватил Чу Ваньнина за нежные щечки и слегка потянул их вверх вместе с уголками губ, состроив на его лице потешную гримаску.

— Ну почему ты опять злишься, братец?

Чу Ваньнин глядел Мо Жаню в глаза и видел в его зрачках отражение маленького мальчика, чьи щеки были в шутку растянуты в такой кривой улыбке, будто это и не ребенок вовсе, а какой-то монстр, одновременно и жалкий, и смешной.

— Отпусти.

Все еще ничего не замечающий Мо Жань продолжал его дразнить:

— Ладно, ладно, только не сердись. Больше не буду говорить, что ты похож на взрослого, доволен? Ну же, давай мириться. Назови меня старшим братом...

— Да отпусти ты...

— Ну, будь послушным мальчиком, назови меня старшим братом, а я потом куплю тебе османтузовых пирожных.

Чу Ваньнин закрыл глаза. Его ресницы едва заметно задрожали, а голос прозвучал несколько хрипло:

— Мо Жань, я не шучу. Я правда больше не хочу с тобой играть. Отпусти меня. Отпусти, слышишь?

Его длинные тонкие брови сошлись на переносице. Из-под сомкнутых век слезы все-таки не побежали по щекам, но в горле встал ком.

— Мо Жань, мне больно...

Слишком больно. Если в сердце надежно поселился какой-то человек, ты можешь бережно спрятать его внутри, в глубине, на самом дне души. Довольно и того, что ты безмолвно оберегаешь его образ и хранишь в своей памяти.

Однако вся доброта этого человека изливается на других, в то время как тебе остаются лишь колкие шипы. Ты хранишь этого человека в своем сердце, и стоит тому лишь шевельнуться, как шипы тут же раздирают это самое сердце изнутри. Мука повторяется день за днем, старые шрамы не заживают, а новые появляются снова и снова.

Чу Ваньнин и сам не знал, сколько еще сможет выносить такие страдания, и совершенно не представлял, в какой именно момент сломается.

Мо Жань наконец понял, что что-то не так, и сперва озадаченно разжал руку, а затем дотронулся до слегка покрасневшего лица мальчика и застыл в растерянности, не зная, как лучше поступить. А Чу Ваньнина внезапно посетила

мысль о том, как же все-таки здорово быть ребенком: можно просто взять и без каких-либо опасений закричать о том, что тебе больно, и показать свою слабость, а тот самый человек еще и бросит на тебя внимательный взгляд, полный заботы и беспокойства.

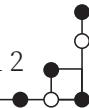
Взрослый Чу Ваньнин не мог даже мечтать ни о чем подобном.

Все, казалось, и глазом моргнуть не успели, а уже наступил канун Нового года. Для пика Сышэн это было самое беззаботное время в году, полное веселых предпраздничных хлопот. Ученики вешали на двери парные надписи с желаниями и чистили снег, повара зала Мэнпо трудились не покладая рук с утра до позднего вечера, готовя угощения для новогоднего пиршества, и каждый старейшина также старался усилить ощущение праздника с помощью своего искусства. К примеру, старейшина Таньлан превратил воду в одном из прудов в прекрасное вино, старейшина Сюаньцзи выпустил бегать по пику Сышэн три с лишним тысячи выращенных им самолично огненных крыс, чтобы они согревали помещения и заодно охраняли их, а старейшина Луцунь наложил заклятие на слепленных учениками снеговиков, заставив их перекатываться по всей горе и писклявыми голосочками поздравлять с Новым годом каждого встречного.

От старейшины Юйхэна никто ничего не ждал. На самом деле он все еще находился в затворе и уже давно не появлялся на людях.

Однако стоявший у окна Сюэ Мэн запрокинул голову и увидел кружасиеся в воздухе лепестки волшебной красной яблони, невесть когда успевшей зацвести.

— Завтра мы покинем пик Сышэн, — задумчиво протянул он. — Видимо, нам все же не суждено увидеться с учителем до отъезда... Интересно, чем он сейчас занят?

— Духовными практиками, конечно, — невнятно пробубнил Мо Жань, только что откусивший от яблока большой кусок. — Кстати говоря, сегодня вечером мы будем смотреть праздничные выступления старейшин. И правда жаль, что учитель не придет на праздник. Не сиди он в затворе, тоже был бы обязан что-нибудь показать. Вот только интересно что.

Едва успев договорить, Мо Жань тут же с хохотом ответил сам себе:

— Наверное, выступление под названием «Неистовый гнев»!

Сюэ Мэн пристально уставился на него:

— А может, лучше «Зверское избиение Мо Вэйюя»?

Новый год был на носу, поэтому Мо Жань решил не обижаться на едкую шутку Сюэ Мэна. Внезапно о чем-то вспомнив, он спросил:

— Кстати, а ты сегодня видел нашего маленького братца?

— Ся Сыни? — угадал Сюэ Мэн. — Не видел. Малец все-таки ученик старейшины Сюаньцзи. Пусть он и смирился с тем, что его ученик целыми днями околачивается рядом с нами, но он точно взбесится, если Ся Сыни и Новый год будет с нами праздновать.

Мо Жань хихикнул и ответил:

— И то верно.

Близился вечер, и свет заходящего солнца заливал павильон Хунлянь.

Чу Ваньнин внимательно разглядывал пилюлю у себя на ладони. Напротив него сидел Сюэ Чжэнъюн. Чу Ваньнин так и не предложил ему чаю, поэтому он сам налил себе чашечку, да еще и бесцеремонно съел хозяйское рассыпчатое печенье, лежащее рядом на блюдце.

Чу Ваньнин бросил на гостя красноречивый взгляд, но тот ничего не заметил.

— Юйхэн, хватит уже ее мусолить, — сказал Сюэ Чжэнъюн с набитым ртом. — Таньлан, конечно, на язык ядовит, но свое дело знает, и сердце у него доброе. Разве он стал бы тебе вредить?

— О чем вы вообще думаете, уважаемый глава? — холодно отозвался Чу Ваньнин. — Меня лишь удивило то, что старейшина Таньлан потратил немало сил на создание чудесного снадобья, способного на один день вернуть мне прежний облик, но почему-то изготовил совсем мало пиллюль. Отчего бы не сделать сразу побольше? Я бы мог просто принимать их по мере необходимости, и все.

— Ох, да разве все может быть так просто? — воскликнул Сюэ Чжэнъюн. — Для создания такого снадобья требуются весьма редкие целебные травы, и на изготовление трех пиллюль у него ушли почти все запасы. Это лишь временное решение проблемы.

— Вот как... — задумчиво ответил Чу Ваньнин. — Я понял. Премного благодарен старейшине Таньлану.

— Ха-ха! — хохотнул Сюэ Чжэнъюн, махнув рукой. — Вы двое и правда похожи: языки у обоих злые, а сердца добрые.

Чу Ваньнин покосился на него, но ничего не сказал. Он налил себе чаю и проглотил чудесную пиллюлю, которая могла на один день вернуть ему прежний облик взрослого.

Сюэ Чжэнъюн хотел было схватить с блюдца еще одно печенье, но Чу Ваньнин поймал его за руку.

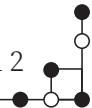
— Что такое? — недовольно поинтересовался глава.

— Оно мое, — заявил Чу Ваньнин.

Озадаченный Сюэ Чжэнъюн в ответ лишь промолчал.

• • •

Когда на пик Сышэн опустились сумерки, все ученики потянулись к залу Мэнпо. Каждый старейшина сел за стол

со своими учениками, и они вместе принялись лепить пельмени*. Туда-сюда сновали снеговики и огненные крысы, которые подносили к столам горшочки с солью и молотым перцем, блюдца с нарезанным луком и прочие нужные мелочи.

В зале царilo шумное веселье, ученики смеялись и радостно щебетали друг с другом. Лишь подопечные старейшины Юйхэна сидели за своим столом без наставника.

Сюэ Мэн огляделся по сторонам и со вздохом произнес:

— Я скучаю по учителю.

— Но ведь мы на днях получили от него послание, в котором он желает нам хорошо отпраздновать Новый год, а потом отправиться в Персиковый источник и приступить к усердным тренировкам, — мягко заметил Ши Мэй. — А когда он выйдет из затвора, сразу же приедет повидаться с нами, ведь так?

— Так-то оно так, но когда еще это будет...

В тот миг, когда Сюэ Мэн тяжело вздохнул и бросил в сторону дверей удрученный взгляд, его глаза внезапно расширились от изумления и сделались круглыми, как у кота. Выпрямившись, он пристально уставился на двери зала Мэнпо.

Краска стремительно сошла с его лица и тут же вновь прилила к щекам. Глаза раскрасневшегося Сюэ Мэна заблестели, и он пролепетал, запинаясь от волнения:

— Это... Это... Это же...

Мо Жань решил, что его взбудоражило появление одной из диковинных зверушек старейшины Сюаньцзи. Подумав

* Традиция лепить пельмени накануне Нового года очень древняя. Слово «пельмени» (кит. 包子, цзяоцзы) созвучно со словом «подходить к полуночи» (кит. 交子, цзяоцзы). Таким образом, совместная лепка пельменей и их поедание символизируют единение и счастливый переход к новому временному циклу.

о том, какой же простак этот Сюэ Мэн, раз способен прийти в такое волнение из-за сущего пустяка, Мо Жань невольно рассмеялся.

— Что «это, это»? Только погляди на себя, будто небожителя увидел. — Улыбаясь, он обернулся и без особого интереса взглянул на двери. — И что тебя так порази... — Конец фразы застрял у него в горле.

Меж распахнутых створок в густеющих зимних сумерках стоял Чу Ваньнин в алом плаще поверх белых одежд. Он грациозным движением опустил свой бумажный зонт и тщательно отряхнул его от снега, после чего поднял блестящие раскосые глаза, откинув занавесь длинных ресниц, и холодно взглянул на своих учеников.

Наткнувшись на его взгляд, Мо Жань почувствовал, что сердце у него внезапно забилось быстрее, ладони вспотели и даже дыхание невольно перехватило.

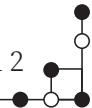
Гул голосов в зале мало-помалу стих. Даже в обычное время, когда Чу Ваньнин появлялся в зале Мэнпо, ученики не смели при нем шуметь, а сейчас и подавно. Подумать только, он так долго находился в затворе, а сегодня, в эту снежную новогоднюю ночь, внезапно решил показаться на людях. Благодаря колкому снегу и морозу его лицо выглядело еще прекраснее, а суровые черные брови были сведены на переносице сильнее обычного.

Мо Жань поднялся с места и пробормотал:

— Учитель...

Сюэ Мэн с грохотом вскочил и, словно радостный котенок, подбежал к Чу Ваньнину, после чего с воплем «Учитель!» бросился к нему с объятиями.

Мокрая от снега одежда Чу Ваньнина на ощупь была ледяной, но стоило ему взглянуть на лицо Сюэ Мэна, как ему тут же стало так тепло, как бывает под ласковым весенним солнцем.

— Учитель, вы наконец вышли! — продолжал восклицать Сюэ Мэн. — А я уж думал, что так и не увижу вас до отъезда! А вы и впрямь любите нас, учитель... Учитель...

Ши Мэй тоже подошел поприветствовать Чу Ваньнина и отвесил ему учтивый поклон. Его лицо осветилось радостью.

— С возвращением из затвора, учитель.

Чу Ваньнин легонько похлопал Сюэ Мэна по голове и кивнул Ши Мэю.

— Я немного опоздал. Пойдемте вместе встретим Новый год.

Он сел за стол рядом с Сюэ Мэном, напротив Мо Жаня.

С появлением Чу Ваньнина былое веселье как ветром сдуло. Все присутствующие тут же вернулись к прежним привычкам и теперь чинно сидели рядом с наставниками, стараясь сохранять серьезный вид. В зале воцарилась поистине удивительная тишина.

На столе лежали мука, мясной фарш, яйца и другие продукты, а также новенькая блестящая медная монетка.

Мо Жань знал толк в пельменях как никто другой, поэтому его решили назначить главным.

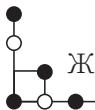
— Что ж, я соглашусь, ведь повиновение — истинное проявление вежливости, — улыбнулся Мо Жань. — Кто-нибудь умеет раскатывать тесто?

Все молчали.

— Ладно, тесто раскатую я, — сказал Мо Жань. — А ты, Ши Мэй, займись начинкой: у новогодних пельменей она почти такая же, как у маленьких, которые ты обычно стряпаешь.

— Но... Э-э-э... Некоторая разница все же есть, — поколебавшись, заметил Ши Мэй. — Боюсь, у меня не очень хорошо получится.

— Главное — чтобы было съедобно, — сухо вставился Чу Ваньнин. — Не стоит так сильно переживать.

— Ну ладно, — улыбнулся Ши Мэй.

— А ты, Сюэ Мэн, можешь передавать воду, закатывать нам рукава и все такое прочее. Только умоляю, не мешайся под ногами.

Сюэ Мэн не нашелся что на это ответить.

— Что же касается вас, учитель, — с улыбкой продолжил Мо Жань, — не желаете ли просто посидеть рядышком и выпить чаю?

— Я буду лепить пельмени, — ледяным тоном произнес Чу Ваньнин.

— А? — Мо Жань перепугался, подумав, что у него плохо с ушами. — Что-что вы будете делать?

— Я сказал: буду лепить пельмени.

Потрясенный Мо Жань промолчал.

Ему внезапно подумалось, что лучше бы у него и правда было плохо с ушами.

ГЛАВА 57

Этот достопочтенный вновь слушает
вашу игру на гуцине

Ко всеобщему удивлению, пельмешки у Чу Ваньнина получались не такие уж некрасивые, хоть он и лепил их несколько неуклюже. Вполне себе прелестные, кругленькие, они один за другим выходили из-под его длинных пальцев и ровными рядами ложились на стол.

Трое учеников, невольно вытаращив глаза, наблюдали за ним с открытыми ртами.

- А учитель, оказывается, умеет лепить пельмени...
- Мне это снится?
- Ловко у него получается.
- Ого...

Разумеется, Чу Ваньнин прекрасно слышал, о чем они шептались. Хотя на его лице с поджатыми губами и опущенными ресницами сохранялось бесстрастное выражение, малиновые кончики ушей выдавали его смущение.

Сюэ Мэн не вытерпел и спросил:

- Учитель, вы впервые лепите пельмени?
- ...Угу.
- Но тогда как они у вас получаются такими красивыми?